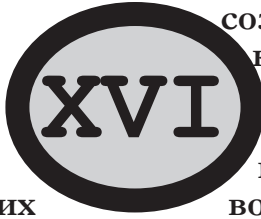
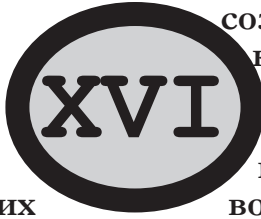

покрышками, сворачивая к обочине.
 – У меня закружилась голова, –
 извиняющимся тоном объяснила Таня,
 открывая дверцу. – Постоим немного,
 если вы не торопитесь...
 Они вышли на шоссе. Сейчас здесь было
 тихо, почти безветренно, ярко светило
 солнце с уже по-сентябрьски блеклого
 неба. Длинная сверкающая паутинка
 зацепилась, пролетая, за Танины волосы.
 По направлению к городу промчался в
 сопровождении мотоциклистов низкий
 длинный, забрызганный грязью «хорьх»
 какого-то высокого начальства. Таня
 задумчиво посмотрела ему вслед,
 нюхая сорванную на обочине
 серебристую веточку полыни.
 – Может быть, из самого Берлина едет, –
 сказала она.
 – Возможно, – согласился Болховитинов.
 – А эта дорога идет прямо туда?
 – Ну, в общем, да. Дальше она смыкается
 с сетью имперских автомобильных
 дорог. Вы же видите, это капитальная
 штука. – Он сделал широкий жест,
 словно приглашая полюбоваться своим
 творением. – Немецкий стандарт для
 стратегических автострад второй
 категории, с девятиметровой проезжей

познакомившись? А вам те рассказывали,
 как здесь уничтожили евреев? Да же
 ваш знаменитый протресс? И это мир,
 который «ста аучше»?
 Обьезд наконец кончился. Они
 выбрались на готовый участок шоссе,
 обогнали несколько тяжелых крытых
 грузовиков. В приоткрытое с Танией
 стороны окно тутю уадрив горячий
 сквозной ветер.
 – Я понимаю вашу точку зрения,
 Татьяна Викторовна, – сказала наконец
 Болховитинов, – но согласиться
 с ней – воля ваша – не могу. Мы
 немного по-разному представляем
 себе этот протресс в графическом
 выражении. Вам кажется, что это
 должна быть восходящая прямая, где
 кажкая Аанная точка нахочився выше
 предшествующей. Приблизительно
 так, да? А вы представляете себе не
 прямую, а волнующую. Тогда, если
 рассматривать отвальные отрезки,
 они могут показаться как восходящими,
 так и нисходящими, но вся линия в
 целом идет вверх. Вы сейчас берете
 один короткий отрезок – поворачиваете
 его; в готов с вами согласиться: на
 этом отрезке чевовечество потеряно

сталь становится текучей, струя воды
 режет броневую плиту и раскаленный
 графит превращается в алмаз.
 Чудовищное давление вражеского
 нашествия создало в нашей
 стране те критические
 условия, при которых
 начала изменяться
 сама природа
 человеческих возможностей;
 и эти изменения становились все более
 глубокими по мере того, как с каждым
 километром, пройденным вторгшимися
 в страну пришельцами, острее и
 безжалостнее вставал перед нашим
 народом вопрос: быть или не быть
 Отечеству?
 Непрерывно возраставшее давление
 достигло красной черты к концу второго
 военного лета. Такой смертельной
 опасности, такой явной и совершенно
 реальной угрозы вообще исчезнуть с
 лица земли Россия не знала и во времена
 татарского нашествия. В августе сорок
 второго года, когда дивизии Паулюса
 вышли к Волге, эту опасность уже
 чувствовали, видели и во всем ее
 страшном объеме понимали все – от
 простого колхозника до академика.

оказывалась, на заводе оторвало кисть
 руки – взорвалась какой-то капсула. Вот
 бьдана!
 23/ VI 1-4 2.
 Немцы взяли Ростов. Что же получается,
 неужели все опять, как в прошлом
 году? Не успели они отраздновать
 взятие Севастополя, и снова по
 радио – фанфары, марши, славная
 свистопаяска. Профессор говорит:
 «Быше годову, все будет хорошо», – но
 пока все очень плохо.
 29/ VII -42.
 Не знаю, можно ли верить их
 сообщениям, вернее, до какой степени
 им можно верить. Когда читаешь и
 видишь все эти снимки, становится
 страшно. Слы по газетам, на юге –
 славной разгром. Немцы идут вперед,
 уже не встречая сопротивления, и на
 картах линия фронта кажкая Аанная
 выплывает все Ааннее и Ааннее. Путь
 это наповину вражье, но даже и так
 все равно плохо. И потом, не могут же
 они открыто врать, помещать карты
 повожения на фронте, которые не
 соответствуют действительности? Вера
 их соваяты тоже читают эти газеты.
 Очень страшно.

Это всенародное осознание нависшей над Родиной беды и было тем главным, что отличало второе военное лето от первого, несмотря на внешнее сходство обстановки.

Война принимала совершенно новый характер, но немцы еще ни о чем не догадывались, ничего не замечали. Уже обреченные на разгром – самый беспощадный, самый тотальный из всех известных военной истории нового времени, – они продолжали слепо рваться вперед, упиваясь своими последними победами и подсчитывая недели и километры, остававшиеся до триумфального завершения Восточного похода. «Кого боги хотят погубить – лишают разума».

Из дневника Людмилы Земцовой
20/ VII -42.

Встретила сегодня девушку из нашего эшелона, Зойку М. Она тоже попала в прислуги, живет на той стороне Эльбы, в Бюлау. Начала рассказывать, и в слезы: хозяева отвратительные, у них рыбный магазин, и работать ей приходится с рассвета до позднего вечера, выходных нет, только раз в месяц хозяйка

отпускает ее в город часа на четыре. Вдобавок еще и заюжная – вечно шипит, ругается, бьет по лицу из-за какого-то пустяка. Вот несчастливая эта Зойка! Такая была веселая, неувядающая, а сейчас как будто состарилась на несколько лет. Она меня спросила, как я живу, а мне стало стыдно почему-то. Сказала только, что хозяйка у меня ничего и не поворачивала, если бы я рассказывала ей все. Да и потом ей было бы еще тяжелее. Зойка знает здесь несколько девушек с Украины, – пахово, в общем, всем. Относительно прилично устроились те, кто попал на небольшие фабрики. А на заводах, или у бауэров, или в городе в семьях – всюду каторга. Я сама свой адрес, попросила заходить, когда сможет. Зойка сказала былые глаза: «А ты что, а если хозяйка узнает?» Я сказала, что ничего, как-нибудь договорюсь. Зойка отнеслась к этому с сомнением, но сказала, что может быть, зайдет, если сумеет вырваться. Потом, уже прощаясь, она спросила, помню ли я Наташу Демченко, которая ехала с нами; ей,

3

– Какова дорожка? – спросил Болховитинов. – Шик!
– Меня не приводят в восторг немецкие достижения, – Сказала Таня сухо.
– Напрасно в данном случае. Это не немецкая дорога, Татьяна Викторовна. Эта дорога построена на русской земле, русскими руками. Если тут и замешано несколько немецких инженеров, то это не должно вас смущать. Все ваши заводы в начале тридцатых годов тоже строились иностранцами.
– Тех мы приглашали! А эти пришли незваные. По-моему, есть небольшая разница?
– О да, совсем небольшая – применительно к этой дороге. Немцы уйдут, Татьяна Викторовна, а дорога-то останется. Вы думаете, я не учитывал этого, подписывая контракт с «Вернике»?
– Вы, я вижу, патриот.
– Извольте шутить, Татьяна Викторовна, а тема не из шуточных...
– Простите, я не хотела сказать ничего обидного. Вы можете остановиться на минутку?
Болховитинов сбросил газ и выключил сцепление; машина мягко зашелестела

многое. Многие и достигнут, не будем забывать об этом, но допустим, что главное утрачено. Назовем это чужеземностью. Назовем это мягкостью нравов. Назовем это терпимостью – политическою, религиозною, какой угодно. Но ведь это только один отрезок! Возьмите их несколько – вы сразу увидите, что эта заманная, заманная, очень нескладная линия все же прямо стремится вверх. Разве нет? Но несомненно, Татьяна Викторовна. Несомненно! Вы сравниваете наш век с девятнадцатым; хорошо, сравните его с четырнадцатым...
– Почему тогда уж не с Вавилоном? Можно и с Вавилоном. С любой исторической эпохой. Сравните наше время с любым, выходящим из истории наугад, и вы увидите, что нравы смягчались, чужеземности стало больше, больше терпимости, больше знаний. Нет, вы зря отрицаете прогресс, Татьяна Викторовна...
Машина шла теперь на большой скорости, – под коловесами с ровным гулом проносились гладкая поверхность шоссе, торопливо мелькая навстречу черными поперечными линиями.

62

возразил Болховитинов, – всегда были войны, и жестокости, и всегда страдали люди, не виновные ровно ни в чем. Я ведь не доказываю вам, что человечество живет в раю, не правда ли. Я лишь хочу сказать, что мир все-таки становится понемногу лучше после каждого такого потрясения. Следовательно, закон конечного торжества каких-то добрых сил несомненно существует... Он проявляется хотя бы в том явлении, которое принято называть прогрессом. – А я не знаю, становится ли он лучше, этот наш роскошный мир, – сказала Таня. – Я недавно перечитывала «Войну и мир». Нам бы такую «войну» и такие «бедствия»!

– Ну, это вы зря, Татьяна Викторовна, по тем временам... – Вот именно – по тем временам! В том-то и ужас, что по тем временам это казалось пределом несчастий, которые могут случиться во время войны. А нам сейчас смешно об этом читать!! Ах, сожгли Смоленск! Ах, Москву разграбили! Ах, расстреляли дюжину поджигателей! А сейчас что? Вы видели, что сделали с нашим городом? Помните развалины, где мы с вами

безумие, перед которым преклоняешься. Он молчал? – Да, он... на три года старше меня. – О, совсем юноша! – Болховитинов попытаться поговорить с ней, улыбаясь. – Приятно видеть такие ранние браки. Нужно очень любить, чтобы отожеститься на это, в такое время... Да, наверное, нужно было очень любить, чтобы отожеститься. Лорд был больше, чем любил она. Все было бы иначе, будь ее любовь сильнее и самоотверженнее. Она должна была отожеститься в тот вечер, когда Серёжа был у нее в постели раз. Она должна была отпросить все – стыд, условности, страх перед тем, что будет потом; она должна была сказать ему: «Серёжа, я хочу, чтобы сегодня мы стали мужем и женой». Он не мог бы, он не имел права ей отказать! Все было бы сейчас совсем иначе, но этого не случилось. Она не помнит даже, приходила ли ей тогда эта мысль. Странно, но она вообще почти ничего не помнит о том дне. Они были на павошад Урицкого, когда Серёжа сказал ей, что ищет любовницу. Что завтра с утра ему на сборный пункт. Был торжествен, тусклым от зноя и юный подвеш,

57

5/ VIII -42. Немцы взяли Ворошиловск и Краснодар и продолжают идти дальше – теперь уже на Баку. И скоро, наверное, выйдут к Волге, у Астрахани. Профессор теперь тоже признал, что дела обстоят очень плохо. «Если ваша страна лишится хлеба и нефти, – сказал он, – то можно считать, что Гитлер выиграл войну. Я не разбираюсь в военной экономике, но без хлеба и нефти воевать нельзя, – это понятно даже искусствоведам. Такой потери не возместить никаким героизмом». Только теперь я окончательно убедилась в его искренности. Легко было изображать из себя антифашиста, когда дела у немцев шли плохо; но говорить то же самое и сейчас, когда у них сплошные победы и все кругом просто беснуется от восторга, – это совсем другое дело. Сейчас всюду, во всех магазинах, все говорят только об одном: какой фюрер мудрый и великий, к каким победам привел он Германию и сколько теперь всего будет – сала, яиц и пр. Скоро, кажется, будут увеличены нормы выдачи продуктов населению. Сейчас

5

и войну, по-моему, воспринимает как-то жевачком. Каждая новая победа для них – это прелесть всего новая возможность что-то отнять у других и сожрать самим. В сводке сообщается, что на Волгу окружена и уничтожена наша 62-я армия. 23/ VIII -42. Пишу ночью. Радио только что сообщено, что немцы вышли к Волге северо-восточнее Сталинграда. Неужели конец? Дано себе честное слово комсомолаки: если немцы выигрывают войну, я покончу с собой. Это не громкая фраза. Просто я не могу представить себе мир, в котором будут командовать такие, как тот Hitler-junge. А это именно так и будет, если они победят. Зачем тогда жить? 25 / VI 1-42. Немцы вторые сутки бомбят Сталинград, все уверены, что война окончится самое большое через месяц. Хоят саухи, что, как только Сталинград падет, нам будет предрожена капитуляция – с праницей по Урау. Профессор считает, что Сталин никогда на это не согласится. Я тоже думаю, что нет. Немцы на Волге – это просто не указывается в сознании! Сегодня много ходила по городу. Жаль,

они невелики: на месяц 1 кг сахара, 1 кг жиров, полтора кило мяса, 12 кг хлеба, полкило крупы, 10 кг картофеля. Ну и еще всякие мелочи – мармелад и пр. У фрау Ильзе хватает бестактности в разговорах со мной открыто радоваться предстоящему изобилию. При муже-то она этого не говорит! Она просто глупая курица, хотя ничего плохого я от нее, в общем, не видела. Относится ко мне хорошо, только вот изводит своей отчаянной расчетливостью.

6 Не знаю, что будет. Я до сих пор как-то ни разу всерьез не могла допустить мысль, что немцы выиграют войну. А сейчас вдруг представила, и стало жутко.
18/ VIII -42.

Профессор только что слушал Лондон: англичане высадились на севере Франции. Наконец-то! Помню, как мы все ждали этого прошлой осенью. Володя говорил, что немцы никогда не выдержат войны на два фронта. Господи, неужели наконец перелом! 19/ VIII -42.
Английский десант уничтожен, никакого «второго фронта» не получилось. В газетах сегодня подробности -это было

они просто куать! До чего противно! Они
Два немцев все связанное с питанием –
запавает банки!»
его дельник цевыми дьями занят тем, что
спавшие кавории. «Вообрази, Ивзхен,
сын, – ма, смаеп, топавное масао,
присыавает с Восточного фронта ее
раскаывавая о посыавая, которые
комате и савыавая, как та с восторгом
знакомая, а я в убравая в сосавней
рожи. К фрау вчера прихавная ее
кажавый авень вавать их торжествующие
у каких-нибуаь заяавых фавиштов и
ававам! Воображаю – жить сейчас
7 Как мне повезав, что я поавая к таким
поавцам.
измена; не всем же, ававо, ставовивть
чавовком – это тоже госуаварственная
в сегоавняшней Ермании честным
Он автивая, что, в сущности, быть
Я спросивая как-то: «А вы не боитесь?»
и сивавается госуаварственной изменой.
авгавийское равиво, хотя это авпрещено
Профессор ретуавряно савыавает
это была просто разавака.
там не так уж много. Авовавон авверает, что
«Авешм». Их, оказывавется, высавававось
что по-французски произносивается иначе:
оково города Авише (профессор авоврит,

знаете, когда я встречаю в жизни что-то хорошее... не именно в моей личной жизни, в ней хорошего мало, а вообще, вокруг... то мне всегда трудно поверить в то, что это хорошее появляется в мире просто так, чтобы исчезнуть без следа. Если вы с вашим мужем очень любили друг друга, то это не могло кончиться просто так... как бывает в книгах или в синема... счастье, и вдруг – война, они расстаются... Я не уверен, что могу вам изложить правильно – в этом нет логики, согласен, жизнь полна подобных примеров, миллионы пар в Европе были разлучены именно так. Но вы знаете, Татьяна Викторовна, есть правда фактов и есть нечто... другое, иногда оно оказывается сильнее, нежели приземленная реальность. Назовите это силой Добра, если угодно, Добра с прописной буквы...
59 Таня размазала слезы тыльной стороной ладони, потом вспомнила про платочек – полезла в один карман жакета, в другой. Платка, конечно, не оказалось.
– Я очень хотела бы верить в эту... силу добра, – сказала она, всхлипнув. – Но вы же видите, что кругом делается...
– Делается то же, что делалось всегда, –

не мучайте себя воспоминаниями. Вы
авпрос, я трижавый иавит. Успокойтесь,
– Впрочем, простите за этот гавтый
встревоважено спросива Боавовитинов.
– Татьяна Викторовна, что с вами? –
павает муживия, которого ты авовишь...
когда на твоих авазах, не стеснясь,
муживия – это авствивавяно страшно,
по всякому пусаяку, но когда павает
женских савз; как гавто, авав мы реавем
по кивтам, муживияы аввично боався
У него только павечи трясався. Савая
Наверное, муживияны только так и павачут.
став у окна спиовою к ней. Безавично.
воспоминание: Среза павака,
58 за окнами, – и самое страшное ее
потом была уже авечер, красивый авкат
у нее в авяти автася проавая. А
Среза ушла к матери-командирше,
то авремя, потому что посав того, как
она была в австоящем обмороке какое-
помогает в таких савчаях! Вероятно,
ававриянкой. Как буавто ававриянка
бегав к матери-командирше за
Котовского. Ну ав, конечно: Среза
приши, какжется, к ней на буаввар
А потом у нее все спутавось. Они
тревоги. Среза сказыав ей это.
только что авави отбой возавущий

почему-то это и в голову не пришло, такая возможность. Вы так молоды, что ваш вид как-то не увязывается... с представлением о замужней женщине. Он посмотрел на нее сбоку и улыбнулся. «Вот и вру еще зачем-то, – подумала Таня с отвращением, – вру совершенно автоматически, с необыкновенной легкостью, какая-то я вся стала лживая, мерзкая, просто лягушка – тронуть гадко...»

– И давно вы замужем?
– Я? Нет, что вы. Мы поженились перед самой войной, этого даже никто не знал.

56 Видите ли, его родные были против. Поэтому мы так, – она сделала неопределенный жест, – потихоньку. А как только началась война, муж ушел добровольцем. – Сумасшедший человек, – Болховитинов покачал головой, – бросить вас в такое время. – Если бы он этого не сделал, то бросила бы его я, – заявила Таня. – Неужели вы не понимаете, что он не мог поступить иначе?
– Я это понимаю, умом. Хотя сам я, пожалуй, так бы не поступил. Я назвал вашего супруга сумасшедшим, но это то

что картины увезли и нельзя зайти в галерею, сегодня особенно хотелось там побывать. Многие находят утешение в музыке, я не могу сказать этого про себя (хотя вообще музыку люблю), а вот картины действуют на меня удивительно. Профессор разрешил пользоваться его библиотекой (при строжайшем условии ставить все на те же места), и, когда бывает очень уж тяжело, я теперь беру какой-нибудь альбом репродукций и сижу над ним, пока не засыпаю. Очень хорошо успокаивает.

9 Это банальная мысль, но когда смотришь на старые картины, то невольно думаешь, что все-таки до наших, дней дошло только это – радость и красота искусства. А все те «великие мужи», что когда-то добивались власти и могущества, заливая кровью целые страны, – что от них сегодня осталось? Только имена, которые до сих пор проклинаются людьми. Профессор много рассказывал мне об итальянском Возрождении, это ведь его специальность. Наверное, Цезарь Борджиа считал себя куда более великим, чем Рафаэль и Микеланджело.

может проскочить что-нибудь интересное в самой пустой боковой. Вы куда едете? – Не знаю, на участок какой-то. Они тут дорожку строят, очевидно, на один из строительных участков...
– О! – сказала Вовоча и прицепилась к ней пальцем. – Ты у него вот что узнай. Узнай, что это будет за дорога, покая? Важно знать характер покрытия и ширину проезжей части. Уяснивая? – Что значит «характер покрытия»? – Это значит, что дорожки бывают грунтовые, мощеные, покрытые асфальтом или бетоном. Вот это и надо выяснить.
53 Ровно в два Болховитинов оставил свою машину перед кавиткой. Вовоча, отогнув занавеску, сказала, что машина так себе – малолитражные «ханомат», и ушла в сараичик, не без ехидства пожалав приятной прогулки. По странному совпадению, участок, который нужно было посетить Болховитинову, находился недалеко от Семихаток – того самого хутора, где тогда, удрав из-под Белой Криницы, окопники впервые увидели наши отступающие войска и узнали о прорыве

стране в военное время. Казаков бы, чего ездить? Сейчас не до гостеванья, не до кураторов, работу искать тоже не приходится. Разве что в командировку? Но неужто столько командированных, мать честная...
Выйдя на площадь, он постоял, оглядевшись, подвинулся на низкое причудливое строение Казанского вокзала напротив. Был тихий теплы день, немного туманный, с неярко просвечивающим сквозь дымку солнцем, и какой-то очень печальной показався Сергеев эта огромная, обстроенная низкими домами площадь, кипишная жеватова-серой, одноцветной толпой. По насыпи и мосту отраничивающим пошавать справа, за Ленинградским вокзалом, медленно двигались паттермы, тесно уставляемые зелеными трехосными грузовиками. Сергей всмотрелся, узнал американские «студебекеры», – их было уже довольно много в Ярославле. Машины что надо. А вот как проехать на улицу Кирова? – Слышь, друт! – Он ухватил за рукав проходящего мимо мадашго лаейтенанта. – Можно на минутку? Мадашгий – совесть, у него явно

Мне кажется, должен существовать какой-то закон природы, ставящий пределы всякому злу и очень скоро стирающий его следы.

29/ VIII -42.

Сталинградский тракторный завод захвачен немцами. Город объявлен на осадном положении, население покидает его массами, но немцы говорят, что держат Волгу под непрерывным артиллерийским огнем и бомбят все переправы.

Можно представить себе, что там делается. Какой ужас!

10 Я не виновата, что попала сюда, но все равно мне стыдно за мое спокойное существование. Ведь бывают времена, когда человек просто не имеет права на благополучие. Танюша, родная, я очень много думаю о тебе в эти дни. Увидимся ли мы когда-нибудь?

14/IX-42.

Немцы начали штурм центральных кварталов Сталинграда.

Глава вторая

Из госпиталя Сергея выписали в конце

сентября. Накануне отъезда его вызвал главврач и спросил, не родственник ли ему некий Николаев, генерал-майор танковых войск. Сергей сказал, что Николаев просто его знакомый, – если это тот Николаев, который был поковником. – Ну это уж я не знаю, – хмыкнул врач. – Надо думать, всякий генерал был когда-то поковником. Словом, вот что – он сюда звонил, из Москвы, спрашивая насчет тебя и просил передать вот этот адрес и телефон... Он вырвал листок из настольного блокнота и протянул Сергею. – Держи! Ехать все равно будешь через Москву, позвони, узнай – там ли. Он сказал, что приедет на несколько дней, может, застанешь. На следующий день Сергей был в Москве. Позвонил он прямо с вокзала, и женский голос ответил ему, что Александра Семеновича нет, но если это говорит Аленка, то пусть он прямо придёт, расположится и ждёт. Сергей поблагодарил и сказал, что сейчас будет. Он протакиваясь к выходу, как всегда улавливая колючесть людей в гражданской одежде, разъезжающих по

ехать так, в пыли. – Нет, что вы, – тихо отозвалась Таня не сразу – Я не из-за этого... – Вы раскаиваетесь, что поехали? – Да. Но не из-за вас, вы не подумайте. Просто... Она не договорила и замолчала. Ей хотелось пожаловаться ему, сказать, как ей тяжело приходится, каким невыносимо трудным и унижительным оказалось то, что когда-то представлялось высокой романтикой; пожаловаться на эту проклятую жизнь, на войну, на немцев, на одиночество, на то, как ей плохо без Сережи. Но разве он поймет, этот марсианин? Да и потом, главного все равно ведь не расскажешь... – Не обращайтесь на меня внимания, – сказала она тонким голосом. – Я знаю, что психопатка, но что же делать? Всякая женщина, у которой на фронте муж, где-то в 55 глубине души психопатка, просто у меня это слишком уж снаружи, до неприличия... – Ну что вы, – сказал ошеломленно Болховитинов. – я не замечал в вас ничего психо... психопатического. Но вы разве замужем? Странно, мне

объяснов... Маленькое удовлетворение – менее двадцати километров таких вот до первого готового участка здесь не состоянии, – совершенно не учёл, что сказала Болховитинов, заметив ее. – Я, кажется, совсем гапуста, – виновато Таня, съезжаясь под этими взглядами. Только в поездах? – с тоской подумала нарочно причёсанная Алевутка. «И зачем мужчина в штатском и чистенькая, аетковую машину, в которой сидели средн военных грузовиков маленькую провозжали взглядами затесавшуюся безлыми хустками, – и все они 54 сонца и ветра паотно повязаны почти у всех были для защиты от женщин, очевидно деревенские, лица савно муравьями. Работали в основном на трассе работ, кипящей аномиями по объёмным путям машинами, стояли жаркий, тучи пыли, поднятой иловонно метра. Аленка была сонечный и доволно хоммах – заглублено в землю на два-три свежими насыпями гинны, местами – на было изрыто, перекопано, завалено саперным имуществом повуторке, возвращавшись в Унск на загрузочной все это шоссе, по которому они тогда фронта немецкими танками. Теперь

Болховитиновым, русским инженером из фирмы «Вернике».

– А-а, – равнодушно отозвался Володя, не отрываясь от книги, которую читал за завтраком. – Ну как он, большая сволочь?

– Почему сволочь? Неужели ты думаешь, что я поехала бы с ним, будь он сволочью!

– Что ж такого, мало ли с кем тебе сейчас приходится иметь дело...

– Да, но это не для дела, понимаешь. Это просто так. Он меня пригласил, и я согласилась. Я не должна была этого

52 делать, Володя?

Володя отложил книгу, подумал и пожал плечами.

– Я не знаю, для чего ты согласилась, поэтому не могу ответить на твой вопрос. Если ты надеешься что либо у него узнать, то, может быть, стоит попробовать. А просто так не стоило. Мало о тебе еще трёпу идет по городу! Таня вздохнула, – трёп действительно шел.

– А что можно у него узнать? – спросила она.

– Откуда я знаю, что. Слушай, что он будет говорить, и мотай на ус. Всегда

была нечиста, верно что-нибудь не то с увольнительной, – настороженно метнул глазом на Сергеевы петлицы и сразу приосанился, компенсируя проявленный испуг. Лет ему было от силы восемнадцать.

– Я слушаю, – сказал он небрежно.

– Понимаешь, какое дело... – сказал Сергей. – Ты в этом населенном пункте ориентируешься?

– Спрашиваешь, – ухмыльнулся товарищ по оружию. – Коренной москвич, родился и вырос на Таганке. Тебе куда?

– На улицу Кирова как проехать?

– А на фиг туда ехать, тут пешком два шага. Я бы проводил, да некогда – через час должен быть на Павелецком.

– Ладно, что я – сам не дойду...

– Здесь два шага, – повторил москвич.

– Топай вон туда под мост, там такой переулок – Орликов. Пойдешь вверх по Орликову, выйдешь на Садовое кольцо – увидишь, широкая такая улица, садов там никаких уже не осталось, одно название. Пересечешь Садовое, возьмешь чуть влево и выйдешь на Кировскую. Где станция метро «Красные ворота ». Слышь, а это что – за ранение? – москвич

13

У них в передней стояла какие-то просто вида его когда-то у Николаевых. то знакомый Сергей. Может быть, он чьмодан – потертый, коричневый, чем-старомодного дивана, и тут же стояла лежала на стуле возле бывшего первый месяц. Свернутая постель хозяева в отсуствии, и, пожалуй, не неживую сейчас, – видно было, что обставленную, но запущенную и явно в большую светлую комнату, хорошо затворила о час. Желнина привела его попросил ее не беспокоиться, когда она и – Я поздравляю, спасибо, – сказал он и вспоминал;

16 месяца, нет никакой охоты об этом который провежа почти четыре так трудно догадаться, что человек, нужным об этом спрашивать. Неужели вопроса. Почему-то все считают Сергей сейчас вид, что не расслышала гоститая прямо, он говорил?

дождались. Если можете, конечно. Вы из неизвестно, но все-таки, чтобы обязательно – Александр Семенович когда вернется – она, провозжая его по темному коридору, – Придется вам поздравлять, – сказала ним по телефону.

его входить. Очевидно, она и говорила с

я игра; и еще потому, что их роль в этой опасной, приключенной мужьями девушкой, не приспособленной для иван Кривошину, потому что она была Ей было гораздо труднее, чем Володе исходе.

прошлом. А сейчас этот запас был на прошлом, в мирном, благополучном и продажамо жить наповину в не до конца поверено в случившееся сейчас, вопреки рассудку, все еще подсознательный оптимизм, как будто внутренним сном, какой-то странной еще оставался какой-то запас

49 горадо труднее, чем год назад. Тогда Ей было очень трудно этим летом, преступление, Сережа? и хотелось забыть. Разве это такое уж совершенно точно. Вот об этом-то ей до всего, сумеют определить ее роль машинкой, и немцы, когда докопается Зава; она взорвала его, сию за своей проклятый объект из доклада галтмана закарать взрывчатку в этот она сама. Пусть ей лично не пришлось если уж говорить начистоту, занятая и другой о гебитскомиссариате, о том, чем заняты Володя и Кривошин и чем, просто ей хотелось забыть на час-

иhre – в отличие от ее роли – была более активной и преобладающая им возможность действовать и своими действиями влиять на ход событий. А ее роль сводилась в конечном счете к тому, чтобы сиять и жадать разоблачения и гибеи. Ей трудно было поверить в то, что игра со смертью может кончиться как-то иначе. Боховитинов пришеа вечером в субботу. Боови не было дома. Они вавоем пили чай, потом Тяня показала ему библотеку Тяинны Никоваевны; Боховитинов стаа распространивать о жизни советской технической интеллигенции, его интересовали многие мелочи, о которых Тяня не имела понятия. Откуда она знала, например, как поставлена работа в наших проектных бюро! Он просидел немало; видимо, часа неуловимым засиживаться ая первого раза, хотя Тяня видела, что уходит ему не хотелось. Прощаясь, он спросил, чем она думает заняться завтра.

– Стиркой, – сказала Тяня. – А что? – Завтра ведь воскресенье, – немного изумленно, как ей показалоь, сказала Боховитинов.

вавое старше и слабее тебя, а через
 пять минут его убивают, а ты остаешься
 жить — жить со страшным сознанием,
 что ты был прав, что это была не
 ошибка, которую можно загладить
 хотя бы раскаянием, а жеванная
 необходимостью, которая повторяется
 еще много раз; если ты знаешь, что это
 не трагическая случайность, а просто-
 напросто закономерная часть той
 действительности, в которую ты теперь

Он смотрел на обложку, на улыбающиеся лица двух летчиков, участников бомбежек Берлина и

– Простите, у меня иногда прорываются галлизизмы... Я хотел сказать, что они сочувствуют большевикам.

Кенитсберга, снятых у Трапа своего
тяжелоного бомбардировщика, и думая о
том, что война, пожалуй, поступила с
ним особенно жестоко и несправедливо,
потому что отняла у него такое счастье,
которого не было еще ни у кого; и,
думая об этом, он понимал, что точно
так же, наверное, думает о войне почти
каждый, за исключением тех немногих,
кто помнит в мирной жизни о том, как
тяготы да неприязни и считается
поэтому, что на войне, в общем, живется

психологически подготовлена
со времени второй встречи, и с
безыкономным бесстыдством заявляя,
что не видит в саужбе у немцев ничего
страшного. Она патриотка, аа, и любит
свою родину, но веать и есть что-то наоо.
И потом лучше уж печатать на машинке,
чем мыть поав в советской столовке.
— Строго говоря, мытье поав — работа
ничуть не хуже других, — заметил
Авраамин.

— А вам приходится это авать? —
спросила она с вызовом.
— Мне — нет, но моей матушке
приходилось, в первые годы эмиграции.
Вы, разумеется, вованы поступать как
вам угодно, но зачем же тогда было
упрекать меня в том, что я пошел к ним
на саужбу, — то есть сваяа точно то же,
что сваяави вы сами?

— О, вы совсем другие авои! У вас другое
положение, вы инженер и могли
работать во Франции. Я не оуавана
бы вас, если бы вы умирали с голоду
или если бы вам прозвала высывака на
принудаботы, как прозвала мне...
— Высывака, простите, кува? — не поняв
Боховитинов.

— Ну кува, на принудавотку! Поеави бы

его будущего использования; и не успел Заале вернуться из Ровно, где выступал с этим докладом на совещании гебитскомиссаров, как драгоценный объект взял и взлетел на воздух. «Судите сами, милейшая Татьяна Викторовна, – сказал фон Венк, – подозрение падает на вас в большей степени, нежели на участников совещания, ха-ха ха!». Очаровательная манера шутить у этого человека. Хорошо еще, если он не повторяет свои лучшие шутки каждому приятелю, как это обычно делают записные остряки. И вообще,

44 если говорить всерьез, то до сих пор нельзя сказать с уверенностью, была ли это действительно шутка. Это могло быть попыткой прощупать, увидеть ее реакцию. Но что об этом гадать! Не первый месяц она ходит по острию ножа, пора бы привыкнуть... Да, ничем хорошим это лето не вспомнишь. От Люси по-прежнему ни слова, хотя кое-кто получает иногда письма из Германии. Пишут мало, редко и невесело. Уже выработался особый эзопов язык этих писем, понятный всем, кроме немецкой цензуры. «Мамо, а у нас тут всё дожди и дожди, с наших девчат

надежда не оправдалась. сразу уничтожить все опасения. Но эта может быть, потому, что надеялся, но не смог заставить себя промолчать, поэтому сегодова бы его пощадить, малярчику тоже нужны все его силы и понима, что этому сиящему напотив нужных для арутого, для главного. Он тем, что отнимая часть душевных сил, был вавоине мучителен для него еще и саужбы, и сейчас страх за памятник своим личным интересам привлек подчинять частное общему, 41 заботы личного поряка. Он всю жизнь какие бы то ни было допонавательные что он попросту не имел уже права на масса работы, такая ответственность, потому что на нем лежала сейчас такая подвигаться с кем-то своей тревогой, держать все это в себе. Он должен был это так прямо; но он не мог уже может быть, не сегодова говорить. вель неизвестно. дельшка. Да и вообще там ли она, тоже комсорг ее и не допустит, – все-таки подпольщик? Возможно, этот ваш обязательно предполагать, что она стала – А ты не волнуйся, Сергей; к чему

Бор. Ефимова на четвертой странице обложки: один фриц, перепуганный до смерти, цеплялся за выступ скалы в кавказском ущелье, другой уже падал вниз, а сверху за всем этим наблюдали суровые лица горцев в папах. Была в журнале еще «кинопьеса», действие которой происходило в Чехии. Сергей начал было читать, но скоро зевнул и бросил журнал. Чувствовалось, что автор никогда не видел того, что описывает, и описывает все это только потому, что сейчас – после убийства Гейдриха – особенно нужно и своевременно писать о героической борьбе чехов против фашизма, а главным образом потому, что все это сочинительство дает автору приятное сознание «места в строю». Он сам не заметил, как заснул. Радио где-то за стеной играло «Мы не дрогнем в бою за Отчизну свою», а потом началась какая-то другая музыка, и все смешалось, и он уже оказался в маленьком дворике, который в то же время был Садовым кольцом, и кто-то был с ним рядом – не то сегодняшний младший лейтенант с Таганки, не то Надюха из ярославского госпиталя. Ну факт, это все-таки

нем мгновенная мысль. «Как же увидит это Тяня?» – мелькнула в состоянии знакомом, почти родное лицо. страшно было увидеть в таком он действительна насмотрелся всякого; за время пребывания в госпитальх 24 человека, который горел в танке, – не зна, как может выглядеть лицо на предупреждение. Не потому, что секунду все же испугался, несмотря Шекуну выключатель. Сергей в первую через комнату. Покрипывав сапогами, он прошел насмотрелся... прельщать, а ты, я думаю, всякого уже относительна, ну да мне девиц не смогли реставрировать лишь весьма путайся – физиономии мне все же по всем правянам, ты только не шторой у окна. – Сейчас поздороваемся Николаев, шурша маскировочной – Ну, отлично, отлично, – отозываясь бродя по незнакомой Москве. отлично и просто утомился немного, еще собеседника, что чувствует себя гимнастерку, уверяя своего невидимого натянута его и стал оапривать Сапог наконец нашелся, он моментально находит в обществе генерал-майора.

оказалась Надюха, и она опять сказала ему, что он совершенно не умеет целоваться и что если у него и была когда-нибудь девушка, то не многому же она его научила. А потом – не сейчас, во сне, а тогда, в действительности, в Ярославле, – она задала ему еще один вопрос, и он обругал ее, потому что не мог позволить, чтобы так говорили о Тане, – хотя знал, что Надюха спросила это совсем не со зла, и вообще она была хорошая девчонка – наверное, именно поэтому все и получилось...

Он вспомнил обо всем этом во сне и снова испытал мучительное ощущение вины, хотя, в общем, он был не так уж и виновен – учитывая обстоятельства. И тут же он проснулся. Он лежал, вспоминая, как все это было, и в воспоминаниях это было так же нехорошо, как и в действительности. Он лежал и с горьким сознанием вины и чего-то невозвратно потерянного думал о том, как иначе было бы все, случись это тогда у него с Таней, и не мог решить, в какую сторону это было бы иначе – в худшую или в лучшую. И в том, что он сейчас мысленно допускал самую возможность таких отношений с

Таней, тоже сказывалась – и он понимал это – та страшная перемена, которая происходила вокруг него и в нем самом все эти долгие военные месяцы... Проснувшись, он лежал с закрытыми глазами, занятый своими невеселыми мыслями, и поэтому не сразу заметил, что в комнате темно, а за стеной слышны чьи-то голоса, – мужской разговор. Он привстал, прислушиваясь, и в эту же минуту голоса стихли, а в коридоре послышались шаги. – Да, да, входите, я не сплю! – громко сказал он, когда дверь осторожно скрипнула. Дверь отворилась, и он сразу узнал высокую худощавую фигуру, обрисовывавшуюся в освещенном из коридора проеме. – Александр Семенович? – Сейчас, сейчас свет включим, – отозвалась тот, входя в комнату, – тут вот только что-то с маскировкой не ладится... Ну как ты добрался, как вообще чувствуюешь себя – не рано ли выписали? Сергей тем временем в панике шарил по полу в поисках второго сапога, сообразив с некоторым опозданием, что он как-никак мадагаскарский аэтенант и

ступай к Алексею – скажи ему от имени Глушко, что все в порядке. Если не считать застреленного полиция. Все, конечно, относительно. Сейчас это можно назвать просто неприятностью, потому что все кончилось благополучно, – полицией, видно, оказался не из номенклатурных, и никто не стал поднимать из-за него шума. А если бы Володю арестовали, да еще здесь, на Пушкинской? Только испугом отделалась она и через три дня после случая с полицией, когда фон Венк пришел к ней как ни в чем не бывало – словно и не было того вечера в казино – и спросил, давно ли она связана с бандитами. Спросив это очень серьезным тоном, он молчал несколько секунд, испытующе глядя на нее через стол, и вдруг откинулся назад и захохотал, страшно довольный произведенным впечатлением. Что она пережила за эти несколько секунд! И что же оказалось? В докладе о перспективах развития местной промышленности, который ей однажды дали перепечатать, был упомянут какой-то объект, имевший для немцев большую ценность в смысле

– Ну что ж, ничего не поделаешь, – сказал он. – Чаяно не хочешь выпить? – Что? – спросил Сергей, посмотрев на него непонимающими глазами. – А, чай. Нет, спасибо... – В таком случае, предлагаю спать. – Николаев посмотрел на часы и встал. – Тащи из коридора раскладушку и устраивайся. Давай отыхать, завтра у меня много дела. Ты едешь утром? – Да, утром. – Тогда тем более нужно выспаться. Скоро, брат, тебе будет не до сна... Глава третья Как-то незаметно прошло лето – без особенных потрясений, но полное повседневных страхов и неприятностей. Барул в одно прекрасное утро приходит Сергей Митрофанович, – ты думаешь, что он просто зашел навестить, как протестант с его стороны, ах какой милый старик и тому подобное; и Барул милый старик сообщает, что Володя Глушко только что застрелил на улице полиция. Престань трястись и реветь, говорит милый старик, смотри на всех вас тошно, умоляю, сино минути и

всю полноту борьбы с немцами? Зачем еще мирное население, зачем гнать под топор девчонок и пацанов?..

– Ты, Сергей, не так все это понимаешь, – сказал Николаев. – Это сложнее, пропагандой людей под топор не погонишь. Их гонят немцы. Понимаешь? Ребята сами идут под топор, потому что не могут жить иначе, чем жили, жить по-немецки. Как будто здесь можно было бы достигнуть чего-то приказами...

– А что, у этого вашего товарища есть связь с Энском?

40 – Нет, регулярной нет. Я этим вопросом интересовался;

сейчас налаживается более или менее регулярная связь с районами партизанскими в полном смысле слова – ну, это главным образом Белоруссия, Северная Украина. Энск в степях, самолет туда не заплешь, радио – вещь опасная, так что... пока на это рассчитывать нельзя. Может быть, со временем.

Он закурил и добавил, в первый раз вслух высказывая то, что мучило его все эти шесть дней после разговора с Шебеко:

Николаев дернул щекой. – Когда-нибудь история еще займется вопросом, во сколько создатских жизней обошлось нам вхождение этих... азиатской литературы и искусства. Это все не так просто, Сергей, бывает простота, которая хуже воровства. Ну да что о них... Послушай, я хотел спросить: у вас в школе кто был комсоргом перед войной? – В школе? – удивленно переспросил Сергей. – Ну этот, как его... Кривошеин Алексей, ребята его Кривошипом звали. А что? – Я говорил недавно с одним товарищем из Энска. Он там работал в обкоме, 37 по военной линии... Ты понимаешь, что он мне рассказывал... В Энске был оказывался, создан подпольный комитет, когда стало ясно, что город придется оставить. А перед самым отходом весь состав этого комитета потог, совершенно случайно: было совещание какое-то, а тут бомбежка, их всех одной бомбой и накрыло. Создать новое руководство не удалось: эвакуация уже шла полным ходом. Так все и считали, что в Энске подполья не осталось. И только недавно выяснилось,

Николаев обнял его и прижал к себе, похлопывая по лопатке. – Рад видеть живым и здоровым, – сказал он, взяв Сергея за локти и отстранив от себя, чтобы получше разглядеть. – А на меня можешь не смотреть, пока пообвыкнешь. Это все ерунда, плохо только, что внук будет бояться – нянька-то, скажет, какая-то такая э-э-э... корявая! 25 Он засмеялся и, обняв Сергея за плечи, повел к столу. – Ну-с, присаживайся, сейчас мы закусим с тобой, я голоден, признаться. Коньячку даже по этому случаю тяпнем, есть тут у меня небольшой эн-зе... Ты вот что – коньяк достань из чемодана, а я сейчас... Он вышел. Сергей откинул крышку чемодана; наверху лежала немецкая фляга с пристегнутым алюминиевым стаканчиком. Он взял ее, взболтнул – очевидно, это и был генеральский эн-зе. Николаев где-то в коридоре разговаривал с хозяйкой, смеялся, потом вернулся в комнату с большим светло-коричневым портфелем. – Хозяюшку приглашал с нами поужинать – отказывается. Женщина

– Вы откада сейчас, Александр консервированной кобасой. Они вышли, закусили. Вот так. Ну-с, твоё здоровье... – Бери, конечно. А сейчас подавай... – Спасибо, я возьму, если разрешите. 28 это. подарить тебе на память, возьми хоть Сергей. Хочешь? Нечего мне, брат, ровно сто грамм. Возьми его себе, – Зарово? Там и риска внутри, норма, нотем по краю, стаканчик зазвенел. вороненой стали. Николаев шепнул расширившийся кверху стаканчик из Сергей поставил на стол небольшой пулемета... Ну что, нашен? савала, из паметаситы с немецкого что ли. Это мне один механик водителю найди там стопку где-то в угу, в правом – что: повезай-ка снова в мой чемодан – Чтобы хозяйку не беспокоить. Хотя вот стаканчик. – У тебя-то есть из чего пить? отстегивая прикреплённый к фляге – Ну ладно, – сказала Николаев, из наших ребят. я уже не смог выяснить, не видел никого присоединились чужие обозники, человек десят. Сколько потом осталось, человек. И ещё накануне к нам

деликатная и добрая, но любит поговорить. Не заговорила тут тебя? – Никак нет, товарищ генерал-майор, – ответил Сергей, стоя едва не навывтяжку. Николаев в комическом отчаянье развел руками:

– Да, брат, ты у меня службист, как я погляжу, от рожденья службист! Первое наше знакомство помнишь? Ты ведь и тогда – и в каких обстоятельствах! – все меня «товарищем полковником» величал, помнишь? Ну ладно, ты вот что – ты сейчас всю эту амуницию снимай, – он покрутил в воздухе пальцем, – хоть за

26 столom посидим без чинопочитания... Он расстегнул и через голову стащил гимнастерку. Сергей, поколебавшись секунду, решил следовать его примеру. Николаев с довольным видом сел за стол, засучивая рукава сорочки. – Ну-с, разгружай портфель, – скомандовал он. – Сколько же это мы не виделись, год? Ну да, почти год. Как местечко-то это называлось – Лягушовка, что ли? – Я помню, Александр Семенович. Ведь вы там и... – Совершенно точно, именно там они меня и подпалили. Так вот оно у нас и

получается: то я ваялся, а ты воевал, а уже там. Но у тебя сейчас действительное все в порядке, Сергей? – Да честное слово, Александр Семенович! – Ну отлично, отлично... Ключи на банках есть? Открывай ту и другую, посмотри, чем нас союзники попотчуют. А хабз авай сюда, я нарежу. Ну-с, так ты мне расскажи, как ноти-то унес... из той гениальной операции? – Я ведь не сам, скорее меня унесла, – уяблнулся Сергей. – Я пришла в себя уже в госпитале, по эту сторону Дона. – Саша об этом. Моладз; значит, 27 сумеа показать себя настоящим командиром. – Что вы, Александр Семенович... Да там было себя показывать! В той обстановке... я и бойцов своих не успеа узнать... – Не спорь, не спорь. Ты их узнать не успеа, а они тебя успеха. Плохого командира соваты на руках из окружения выносятся не станут. Я за тебя... рад. Сколько же вас выхаживаю? – К тому моменту, как меня ранило, от роты оставалось тридцать шесть

парень. Если бы этим делом занялся кто-нибудь другой, то Таня почти наверняка осталась бы в стороне. Беда в том, что это именно Алешка Кривошип, Кривошип, их комсомольский вожак, в котором для всех, кто его знал, было что-то от комсомольцев двадцатых годов – от Павки Корчагина, от Николая Островского...

– Ты не знаешь, для Татьяны он... тоже был авторитетом? – спросил Николаев, точно разгадав его мысли. – Для всех он был, – угрюмо ответил Сергей. Им овладело странное чувство. Конечно, это здорово, что в Энске есть комсомольское подполье, что во главе стал такой парень, как Леша Кривошип; и вместе с тем радоваться этому он сейчас не мог, понимая, насколько это увеличивает нависшую над Таней опасность. Потому что Таня – он это знает точно – ни за что не останется в стороне. Она ведь всегда была отчаянной, всегда мечтала о подвигах! Он высказал все это вслух. Может быть, не без влияния выпитого коньяка. Неужели мало людей гибнет на фронте, неужели фронт не может взять на себя

что один из членов подпольного комитета жив, находится там, в Энске, и даже скрывает какую-то моладзкую группу... – Этот самый Кривошип? – спросил Сергей тихо. Он почувствовала варт, как странно бьется сердце. – Судя по всему, да. Фамилию Петр мне не назвала, сказала только, что, если он не ошибается, этот человек был до войны комсоргом в вашей школе. Может быть, это и ошибка. Сергеем сейчас больше всего на свете хотелось, чтобы это была ошибка, потому что он каким-то шестым чувством угадывала, что если это действительное так, если Кривошип скрывает там группу и если Таня находится в Энске, то она не могла не... додумывать это до конца ему было слишком страшно. – Ты хорошо знала этого комсорга? – помошная, спросил Николаев. – Еще бы... – Что он собой представляет как человек, как руководитель? – Ну, парень он настоящий, – сказал Сергей. В том-то и беда, что он настоящий

представлялось заранее.
«Вообще-то правильно, – подумал Сергей. – Меньше чем за два года никак с этим делом не управиться, но это же страшно себе представить – еще два года войны».

На фронте обычно не задают себе этого вопроса – долго ли еще. Всякий понимает, что долго; но лучше, когда это так прямо не сформулировано. Когда топаешь форсированным маршем с полной выкладкой, никогда не следует представлять себе всю остающуюся впереди дорогу. Лучше намечать цели поближе: вот скоро дойдем до тех холмов, до той рощи, до того сломанного дерева...

В дверь постучали – заглянула хозяйка, сказала, что уходит на дежурство, а раскладушка в коридоре, чтобы взяли, если понадобится.
– Я и не спросил, – сказал Николаев, – ночуешь-то ты сегодня здесь?
– Могу здесь, спасибо, – рассеянно ответил Сергей. – Два года, вы говорите. Выходит, сколько было и еще дважды столько же. Здорово! А помните, как раньше будущую войну описывали? Неделя, две самое большее...

было ни тени наивного оптимизма. Фальшь в словах Сергей научился распознавать сразу и безошибочно. Он был искренен в своей непоколебимой вере, этот покой и, навверное, не такого уж крепкого здоровья человек, воевавший и в империалистическую, и в гражданскую, и с японцами, и с финнами, знающий о войне все, что о ней можно узнать на собственной шкуре. Как бы там ни было насчет войны и медных труб, а уж отнюдь-то он прошел. В самом прямом смысле слова. Вон они, сады! И этот человек воспринимает войну как-то совсем не так, как воспринимает ее он, младший лейтенант Аджнев. Может быть, с высоты генеральского звания все-таки виднее?

– Александр Семенович, – сказал он, – вы можете все это говорить, потому что расматриваете войну спокойно, как привычное дело. Ну а я не могу так! Вы к войне привыкли и понемногу, привыкли как-то, ну а я не знаю, а нас в нее кинуло, как сапых кутят. И представляю мы ее себе раньше совсем по-другому, ничего похожего не оказавшись...

33

Семенович? – спросил Сергей.
– Я откуда? – переспросил Николаев.
– Да как тебе сказать. Из района формирования, скажем так. Меня ведь на корпус посадили. На еще не существующий.
– Ясно, – сказал Сергей, вертя в пальцах черную стопочку. – И много их, еще не существующих?
– Через год мы будем первой танковой державой мира, – сказал Николаев.
– Через год... Это надо было успеть сделать к сороковому.
– Что толку рыться в прошлом! К сороковому, к тридцать девятому... Этак дороешься черт знает до чего... Сергей поднял голову, посмотрел на него и ничего не сказал. Николаев снова взялся за флягу.
– Почему не закусываешь? Ты, брат, ешь хорошенько, на голодный желудок не пьют. Послушай, ты, может, горячего хочешь? Можно подсыпаться к хозяйке, она мне о супе каком-то толковала...
– Нет-нет, что вы, Александр Семенович, – смущенно стал отказываться Сергей.
– Колбаса что надо, а я без горячего вполне могу.

29

завтра будут. Сегодня, наоборот, есть, а завтра – нет. Это, брат, весьма зыбкий фактор – техническое превосходство. Зыбкий, разумеется, когда речь идет о двух приблизительно равных потенциалах... Главное здесь совсем другое, и в этом главном мы немцев уже превосходим...

Сергей сауша, что говорил Николаев, и смотрел на его руки, ажащие пера ним на столе. Руки вытягивали, пожауи, еще страшнее, чем лицо. Впрочем, лицо генерала не казавось ему таким страшным теперь, когда он освоился с первым впечатлением. Красные пятна и рубцы, стянущиеся на местах ожогов, покрывали нижнюю часть щеки и подбородок; но в этом лице прежае всего обрешана на себя внимание именно верхняя часть, гавбоко запрягающие глаза и наваинутый на них обемистый об. А об почти не пострадал. «Бораву бы ему отпустить, – подумал Сергей, – такую партизанскую бородашу, и ничего не бавает заметно». И носить перчатки тоже можно. Но вот так – на столе – эти сожженные руки производят страшное впечатление.

В том, что Николаев сейчас говорил, не

– Смотри, тебе виднее. Назначение получил уже?
– Еще нет. Вероятно, на Донской придется, сейчас почти всех туда шлют. Александр Семенович... вы правда уверены, что через год у нас будет над немцами превосходство?
– Через год? Я говорил о другом. Через год у нас будет превосходство над любой сухопутной армией мира. А немцев мы уже превосходим, ты этого еще не понял?

Сергей, медленно жуя, пожал плечами.
– Не знаю... Что-то снизу этого пока не

30 заметно, – сказал он.
– А ты присмотришься получше, – посоветовал Николаев. – И раз навсегда выкинь из головы эту чушь, что сверху, дескать, всегда виднее. Иногда виднее именно снизу. Понял?
– Не совсем...
– Ладно, выпьем. Не понимаешь сейчас – поймешь завтра. Своевременно или несколько позже.
– В чем же мы его превосходим, интересно? – сказал Сергей, переводя дыхание после обжигающей порции коньяка. – В мае на Юго-Западном у нас не хватало самолетов, танков,

прочее – даво наживное. Сегодня их нет, победить, вот в чем! А самолеты и все – в главном, брат. В решимости Семенович? В чем? уже превосходим. В чем, Александр? Но вы все-таки сказали, что мы его знаем, как это после боя вспоминается. – Ладно, пусть они превеличивают твои ранены... обстоит не совсем так, как описывают – не сдается в крайность, даво – Ну, позволим, – усмехнулся Николаев, ухмыляясь!
31 врану соккупшительные бомбовые шмыгают, как мышенята. Наносят по уивають – оади куккупшники по ночам стороны хоть бы оадин истребитель вечера – буаь заворов. Бомбит так, что тоовы не поаымешь... А с нашей говорят, как хочет, доабаь с утра до – так то же самое рассказывают: аьаь, со Сталинградского, с Воронежского, поступали раненые в июле, в аьаьте – тоже что-то пока не особенно... К нам говорите – пока в буаушем, самолетов А в оьтаьном... танки – вы сами хоть с транспортном теперь наааьтсья, «сгудебекерь» появляись, может, транспорт... Ну хорошо, сейчас вот

дурного тона. За победу, лейтенант, не пьют, за нее дерутся.
Сергей багрово покраснел. Они выпили молча, доели остатки консервированной колбасы.
– А победа от нас не уйдет, – сказал Николаев, словно продолжая вслух какую-то свою мысль. – Она уже у нас в кулаке. Года через два мы поставим им такой мат, что у них на сто лет вперед пропадет охота к дрангам куда бы то ни было...
Сергей перестал жевать.
– Два года? – недоверчиво переспросил он.
– Как минимум. Это при условии, что второй фронт откроется в будущем году. Суди сам: если мы начнем наступать весной сорок третьего, а раньше это практически невозможно, то только к весне сорок четвертого сможем очистить Украину и Белоруссию. Хорошо, если союзники к тому времени успеют выйти к Рейну с той стороны. Вот и смотри. Остается полгода на Польшу, Балканы и саму Германию. И то это прогноз весьма, я бы сказал, оптимистичный. В действительности обычно все оказывается чуточку труднее, чем

приуай, это гусарские замашки весьма – Не стоит, ты к этим штыкам себя не Николаев поморщился, разливая коньяк. выпить.
Сергей. – За победу мы с вами забыли – Да можно, по посавней, – сказал 34 не спаваяно, решай сам.
как – выпьем еще иай не хочешь? Я тебя резуаьтаты. Впрочем, ненааоло. Ну, мы на безумие иногда аает некоторые генштабистов. Как ни странно, ставка на безумие. Это то, что у Литера и его каких бы то ни было расчетов, ставка совершенный расьет, аьбо отсутствие это преаьаьная трезвость всех оьенок, Война признает тоаько крайности: аьбо атому приаьшь, потому что инаье неаьзя трезво. И ты тоже рано иай позано к смотрю не то чтооьы спокойно, я смотрю совсем чеаовеком, мне аумается. Я – не может. Ааь аьтого нужно быть не спокойно, как ты говоришь. Чеаовек чтобы начать расаматривать ее по-настоаьщему не может. И приваькнуть, скажем. Чеаовек к аьтому приваькнуть назавать его приваьчным – Ааь меня, не знаю, аь какой степени можно повтория Николаев. – Я, брат, и сам – «Приваьчное даво», – усмехнувьшись,